

А почему наш Маяковский — кризис?

От этой программы принято отсчитывать ярко выраженное проявление творческого кризиса в «Песнях». Сам Мулявин постфактум расценивал «Во весь голос» как вещь неудачную. Но я спустя десятилетия задаюсь вопросом: а чем она хуже других программ ансамбля? Целостная, солидная, без профессиональных проколов. Народ на неё валом не пошёл? Так ведь мы никого и не обманывали, честно написали на афишах большими буквами: «Маяковский». И кто не был готов, кому не казалась интересной эта фамилия, со школы набившая оскомину, — не покупал билет. А пришедшие, пусть и без переаншлага, новое в штыки не принимали и крест на «Песнях» не ставили. (Кстати, это — об уровне публики ансамбля, даже когда его популярность, как и всего жанра ВИА, шла на спад.) Конечно, слушали настороженно, разбирались, но хлопали — надеюсь, не только в силу эстрадного жанра, где так принято после каждого номера. И ведь это тоже ого-го какой результат! У композиторов-титанов случались неудачи, любимейшую впоследствии классику нередко встречали если не свистом, то гробовым молчанием. А у «Песняров», которые, правда, и не пытались приблизиться к великим, обошлось без оглушительных «лаж» даже с самой спорной работой.

На что «Беловежскую пущу» меняли

Да, с программой «Во весь голос» трудно что-либо утверждать однозначно. Но три-четыре достойные песни — показатель того, что сложилось. «Лиличке (вместо письма)», «У меня есть мама», «Послушайте» — это стержень всего цикла. Более того, после Маяковского «Послушайте» с гениальной музыкой Мулявина на какое-то время заменила «Беловежскую пущу» в начале концертов! И никто её не освистывал, хотя это уже философская вещь. (Плюс Валера Дайнеко был несказанно счастлив.) А потрясающая «У меня есть мама» — одна из лучших вокальных работ Игоря Пени! Ни одного заезженного образа, и ком стоит в горле от первой ноты до последней — и всё это в простой Володиной аранжировке! Совершенно непесенные слова в «Лиличке» (с этой вещи начали работу над стихами Маяковского ещё посреди проката военной программы). Но Мулявин невероятным каким-то образом упаковал эту глубокую мужскую лирику в развёрнутую песенную форму. Да и в принципе самое главное препятствие в работе над поэзией Маяковского — написать мелодии на сложнейшие стихи — он преодолел незаметно для коллектива, на своей творческой кухне. Представить не могу, сколько ему пришлось помучиться, чтобы выжать возможное и невозможное из своего композиторского таланта и уложить эти пульсирующие рваные строчки (да ещё и напоённые ароматом начала века)

в форму современных песен! И неужто все эти блестящие песни и композиции, настоящие мелодические жемчужины — напрасный труд, как порой говорят о «Во весь голос»?

И ХРЕН С НИМИ, СО СТИХАМИ!

Да, в программе «Во весь голос» предостаточно попыток приклеить к реалиям перестройки литературную подёнщину Маяковского 1920-х, хотя тексты и на смех не пробивали, и слезу не выжимали. Некоторые песни после первого же исполнения справедливо предавали забвению (считай, и не пели!), с другими мы немного потянули. Была, например, такая — «Служака». Вроде сильная работа, с язвочкой подана Володей под гитарный аккомпанемент. А вдумаешься в текст... Ну, «появились молодые», а что, до революции не было таких «служак»? Или десятиминутная композиция «Во весь голос» про «ассенизатора и водовоза, революцией мобилизованного и призванного», которая дала название циклу, — совершенно не для обычного гастрольного концерта. «Я счастлив» — зарисовочка-агитка на тему курения. Песенка «У парикмахера» — удачная попытка сделать эти стихи ещё непонятнее, чем они есть. Зато в «Разве это молодость», одном из первых отрепетированных номеров программы, Дайнеко с Растопчиным оттягивались! (Причём Саше, единственному, сделали шорты — прямо Ангус Янг из АС/ДС получился! Правда, это было немного позже, уже на заре 1990-х.) И хрен с ними, со стихами — не особо убедительной критикой молодёжного алкоголизма! Гитарную партию Саша Растопчин с Володей Мулявиным обсуждали на наших глазах. Помню, как Мулявин сказал: «Тебе всё ясно», — и Растоп делывал рифф в стиле хард-рока, который, кстати, и задумывал для этого номера Вова.

ЧЕМ ГЕРОЙ СОЦТРУДА ВОСХИЩАЛСЯ

Запомнились две сольные песни Шурика Демешко — «Мода» и «Подлиза». Не просто юморные, как раньше, а с цельным образом. Правда, это — социальные характеры, которые к эстраде отношения не имеют. Зато Шурик уже не столько кривлялся, а действительно пел, нормально интонировал. Без проколов, но и фактуры «Песняров» лучших лет не хватало. Однако даже из этих непесенных текстов вытягивали и акапельные номера, и вставные конструкции, и неприятные шлягерки вроде сделанной под милую детскую песенку «Что такое хорошо?» с понятными правильными словами, знакомыми с малых лет, — её ансамбль даже на «Песню года» выставлял. А когда «Во весь голос» обкатывали до премьеры в колхозе-миллионере «Советская Белоруссия» в Брестской области, его пред-

седатель дважды Герой Социалистического Труда Владимир Бедуля восхищался: «Ну Мулявин! Ну песню сочинил!» И правда ведь: для кого-то такая вещица — большая удача, может, единственная, только вот «Песнярам» было с чем сравнивать.

Худсовету подсунули не того Маяковского

Среди первейших слабостей «Во весь голос» — аранжировки. Переслушивая записи программы, понимаешь, что всё уже сделано, к инструменталу и вокалу не придерёшься, а всё-таки ловишь себя на мысли: где-то сделано поспешно, где-то не «дожато», а есть номера, где характер песни так и не раскрылся. Отдать бы её Игорьку Паливоде или Вове Ткаченко — ох как вещь заиграла бы! Но как раз тогда в «Песнях» было время провала от их ухода, бесконечная текучка кадров и затянувшаяся смена поколений музыкантов. Каждому пришедшему одно задание: предложи аранжировки для «Во весь голос!» — так Мулявин искал оригинальный взгляд для этой работы (не удивительно, что худсовет на сдаче программы в Орше услышал не совсем тот вариант, который позже сложил в спектакль Сергей Винников).

И всё-таки многое в «Во весь голос» Мулявин вытянул сам. Получалось по крайней мере достойно, а когда попадал в яблочко — блестяще: главное, ничего лишнего, отвлекавшего внимание. Пусть он по-прежнему не выстраивал в собственных аранжировках сложных структур, которые наращивали в своё время Ткаченко, Паливода, Бернштейн или Дайнеко. Кстати, я до сих пор сомневаюсь: не отпугнули ли «Песняры» своих поклонников этим высочайшим пилотажем, поставив перед собой и выполнив непосильную, казалось бы, задачу — запихнуть в каждую секунду по сто нот. Но сто́ит подумать о том, что можно было бы и попроще обходиться, — как вспоминаю «Песню о пехоте», которую аранжировал Ткаченко, и не могу её представить иначе. Так всё плотно в её музыкальном материале. Но это случай, когда фактура сама требует богатства инструментала.

А ТЕПЕРЬ — «ФАНЕРА»

Когда «Песняры» уже имели какие-то мысли по поводу будущей программы, на пороге появился Серёжа Винников, представился новым режиссёром концертного зала «Россия» и сказал: «Предложено сделать для ансамбля что-то нормальное. Хотите спектакль?» «Хотим!» — ответили мы. И всё закрутилось! Костюмы шили в ателье Большого театра, сценографию создали в духе конструктивизма, самих «песняров» на полтора месяца поселили на бывшей даче Берии в Серебряном Бору... Понимая, как в своё время Валя Гаевая,

меру наших актёрских возможностей при почти полном отсутствии характерных персонажей (ну это же не Бёрнс, в самом деле!), Серёжа режиссёрски разрешил задачу. Причём не только входы-выходы он ставил! Например, инсценировку партсобраний («Прозаседавшиеся») сделали с минимальной пластикой. Без неё суть мудрёного стихотворения, наверное, вообще никто не понял бы. А Володя Мулявин схватился за него на критической волне гласности и куснул словами Маяковского форму заседаний как основу советской власти. (Наверняка вспомнил выматывающие худсоветы!) Правда, из-за инсценировки эту акапельную вещь отработывали (впервые в «Песнях») под «фанеру»! Запускали запись с тяжеленного катушечного магнитофона, который приходилось из-за одного этого номера таскать по гастролям.

Но самое главное, что Винников не пошёл по ложному, как мне кажется, пути «Поющих гитар», которые к тому времени превратились в театр рок-опер. Да, «Песняры» с Маяковским прошли по этой грани, сделали «песенный спектакль», но не переступили её. Ну а сценический спектакль лёг в основу и музыкального фильма (правда, я в нём не снимался). Для «Песняров» его организовала в новой студии телецентра «Останкино» редактор программы «Шире круг», подруга всем артистам Ольга Молчанова. Нет-нет да и выходил в эфир этот почти часовой фильм-концерт. Напоминал, что «Песняры» ещё живы, пусть и таким своеобразным способом. А вот о записи пластинки и речи не заходило: где Маяковский, а где коммерция, которой уже по полной жила фирма «Мелодия»? Со времён программы «Через всю войну» многое поменялось, да и Володя понимал, что это не в полной мере тот материал, который надо толкать: если по-честному выбирать максимально удачное, не так много и получится.

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ... МИСЕВИЧЕМ

Кстати, самый непростой во всех смыслах номер в программе — «Разговор с товарищем Лениным». Можно в очередной раз посмеяться над вождём мирового пролетариата, а я от мулявинского мелодизма в восторге: ничего лишнего, великолепный минимализм. Это потрясающий, с верой и благодарностью рассказ о Ленине. Конечно, прекрасная мелодия могла быть использована и для других слов: вставь вместо имени Ленина отца, мать, близкого тебе человека! Сохранись тот строй — Володя и дальше пел бы свой «Разговор», может, даже с самых высоких трибун. Как оратор да ещё в публицистическом образе, он и сам Ленина напоминал, и Маяковскому соответствовал, вот и верилось ему с удвоенной силой. Но в ансамбле такие моменты программы вызывали смешки,

особенно среди тех, кто помоложе: не тем занимаемся, неактуально... Я тоже однажды поставил гирьку на весах сомнений Мулявина. Володе надо было на одном из правительственных концертов в Минске петь именно «Разговор». А идти, наверное, ой как не хотелось. Во всяком случае одному: не в своей тарелке он себя ощущал с этими стихами. Утром перед записью в мою холостяцкую комнату в общежитии заходит Володя в костюме вроде того, в котором он исполнял свой монолог на сцене. Я в шортах пластом лежу на кровати после вчерашнего: голова раскалывается, рядом армага бутылок с кумысом... Мулявин, как будто не видит ни этой картины, ни моей рожи соответствующей, весь в образе, короче. И зовёт он меня с собой на репетицию правительственного концерта. Я ему жестами (на слова сил нет!) показываю самоотвод. Володя посидел-посидел и говорит: «Ну их на ***, я тоже не пойду». Развернулся и ушёл. Если бы не перестройка, невыход с такой песней ему бы не простили...

С ЗЕМЛИ РАЗНИМАЛИ КОСМОНАВТОВ ПИВОМ

Куда меня только не заносило с бодуна! Однажды Володя Мулявин позвонил из Минска в Москву, где я задержался после концертов, и отправил меня и Шурика Демешко (тот уже обосновался в советской столице) «закрывать вопрос с космосом». Это был сеанс связи космонавтов с Землёй в специальной останкинской студии. Пока космический корабль минут сорок выходил из тени, нас инструктировали: из-за камеры психолог будет показывать записки, о чём можно и о чём нельзя говорить. Так вот, о природе, о рыбалке, о расслабке — в самый раз. Наша задача — помочь изменить эмоциональный фон на борту. Оказалось, мужики-космонавты на борту дерутся из-за замкнутого пространства! И артистов в студию приглашают именно для разрядки! И вот мы сидим в луче прожектора, рядом ведущий. Шурик поначалу вспомнил о родном Бресте. Космонавты сразу же привет передают своему коллеге — белорусу Климуку. Потом Демешко принимается балагурить, как вдруг видит на корабле рисунок с краснющими аппетитными раками. Космонавты его внимательности обрадовались несказанно, и один из них без лишних слов поплыл в невесомости за рисунком, чтобы показать его крупно — видно, и самому ужасно хотелось рачков! Оказалось, картинку космонавтам подарили друзья перед вылетом. В общем, тема разговора перешла в русло пива и закуси — слюнки соответственно потекли и на Земле, и в космосе. В итоге проговорили о пиве космонавты с Демешко целый час (психолог подсовывал бумажку: «Продолжайте!»). А я с бодунища всё больше молчал и хлестал воду. Едва дождался конца —

и прямиком в магазин, набрал там этого своего любимейшего напитка сразу с запасом!

Можно было, конечно, и вторую вечно животрепещущую тему поднять, но бабами, нам хоть в пьяном, хоть в трезвом виде сейчас более доступными, решили космонавтов не дразнить. И, кстати, не только из-за боязни нарушить только что достигнутое равновесие, а ещё и вот почему...

«“Песняры” на бензин перешли»

Однажды в Казахстане «Песняры» выступали для космонавтов, сотрудников космодрома Байконур и членов их семей. И как-то надолго мы там задержались, так что, пока brave мужья сидели под землёй на посту, в центре управления полётами, а кто-то и на орбите, на «гражданке» супруги некоторых из них пускались в лёгкие загулы. Результат — одного из артистов нашего ансамбля наградили лобковыми вшами. А где возьмёшь на космодроме Байконур ртутную мазь? Как ни крути, но при специфике этого места — средство не первой необходимости. Кто-то подсказал: можно обойтись бензином с максимально высоким октановым числом (тогда это был 93-й). В общем, кинулись выручать товарища. А как раз тогда «песняров», первых из советских артистов (Пугачёва ведь ещё не была той самой Пугачёвой), пустили посмотреть на самую стартовую площадку — святая святых. Конечно, нам, да ещё в присутствии космонавтов, там не отказали. Пока артист лечился, наши рабочие в фойе Дворца культуры случайно подслушали разговор двух космонавтов: «Эти “Песняры” ну просто охренели! Мало того, что водку жрут, они на бензин перешли!»

Ничего и не скажешь, кроме «был»

Да, работу над программой «Во весь голос» осложняло то обстоятельство, что по разным причинам, но практически в один момент ушли ведущие музыканты — аранжировщики высочайшего класса. В этой ситуации Мулявин, ясное дело, надеялся на новеньких молодых пацанов — казалось, что некоторый риск пойдёт только на пользу. В конце концов, когда-то такое уже сработало с консерваторскими, которые планочку «Песняров» задрали солидно. Но потенциала новобранцев надолго не хватило, да и очень уж разношёрстными они оказались. В итоге ансамбль всю вторую половину 1980-х постоянно латал кадровые дыры. О многих ничего и не скажешь, кроме «был», даже на «принимал участие» не тянут. (Но они от того ничуть не скромничают: гордо несут статус «песняр» — почти как Мулявин, получается; а тут бы впору разделять термины «песняр» и «участник ансамбля в такие-то годы».)

В общем, проблема была налицо: колоссальное несовпадение интересов участников ансамбля. И вот как её разруливать? От Володи, конечно, зависело многое, но далеко не всё. И ответ на вопрос «почему ушёл?» у каждого свой, хотя в принципе всё можно свести к общему знаменателю: неустроенность в стране и, соответственно, в ансамбле. Вместо сладкой жизни экранных артистов, клёвых загранок, яркого творчества — сплошная музыкантская рутинка. Да ещё и материал жуть какой «актуальный» был в работе — Маяковский! Хотя, казалось, ребята прекрасно понимали, в какой коллектив идут: на прослушивании их всегда спрашивали об отношении к фольклорной основе, к крупной форме... Но в работе каждый был виден со своими приоритетами.

Никто в Растопа не поверил

Когда в том или ином давно отточенном фрагменте от новичка ощущалось как минимум непонимание общей задачи — ни того, куда ты попал, ни того, что ты тут делаешь, — просто опускались руки. Короче, это уже был кризис. Правда, его никто толком не осознавал. Надолго пришёл тогда только Саша Растопчин. Причём восторгов он поначалу не вызывал — были у нас и другие гитаристы на примете в 1985-м. Ну правда ведь: сам по себе яркий музыкант, совсем не «песняровского» типа, с рок-группой «Сузор'е» за плечами, а значит, с другими пристрастиями, с другой техникой. Но Мулявин разглядел больше, чем все остальные. Как раз этот работоспособный самородок-технарёк оказался очень понимающим командным игроком. Он действительно заменил Ткаченко, уже тогда фигуру в музыке, с которым все сохранили великолепные отношения. А необычный темпераментный стиль Растопа органично вписался в экспериментаторство (слеповатое, конечно, но всё же), которое в то время в «Песнях» зашкаливало.

«ЧТОБЫ НА РЕПЕТИЦИЯХ Я ЕГО НЕ ВИДЕЛ!»

Сейчас думаю: вроде мне тогда за сорок уже стукнуло, а всё по-прежнему казалось, что незаменимых нет. Может, потому, что Володя Мулявин в конце концов всегда находил отличных музыкантов, пусть и не с первой попытки. К тому же в «Песняры» часто принимали с прицелом: ну а вдруг что-то интересное из очередного рекрута получится. Порой клёвый в общении пацан не дотягивал как музыкант (правда, такое могло прокатить разве что в начале, когда к нам никто не шёл). Или наоборот: даже хороший музыкант не всегда оказывался комфортен в работе, как говорится, не смотрел с коллективом в одну сторону. Случай из «змеиной» практики: во второй половине 1980-х с одним новичком дошло до крайней

стадии — Мулявина трясло от ярости. «Возьми у него заявление, и чтобы на репетициях я его больше не видел!» — кипел он. Так и выжили одного из клавишников. Ошибся Володя или нет, а этот парень вырос в музыканта, успешного композитора.

«В Америку поедешь?» — «Поехали!»

С пианистами, кстати, постепенно складывалась совсем уж ненормальная ситуация. После ухода Игоря Паливоды за три года сменилось пять пианистов! Надежд хватало: молодёжь, многие после консерватории. Тот же Саша Виславский, способный, полный старания, желания делать, честно отработал четыре года. Или Олег Мартаков — страшно работоспособный, Мулявин плотно загружал его аранжировками. А Дима Явтухович? Успевал и диплом в консерваторию готовить, и Маяковского доводить до ума с Володей на пару, и с валом текучки справляться. Позже появился Олег Молчан — скромный пацан, никаких конфликтов, успевал поиграть и в ресторане для «синих», на которых постоянно жаловался, и у нас поработать. Он тогда, наверное, ещё не определился, куда ему двигаться, оставаться ли в «Песнях». И у Мулявина тоже был период неуверенности по поводу Молчана. Вместе с Дайнеко я убеждал Володю: принимай не раздумывая — талантливый, работоспособный, это ансамблю как воздух нужно! Казалось нам, этот человек пришёл надолго, постепенно стал писать не только классные аранжировки, но и собственные песни. Ценнейший музыкант в «Песнях»! А уже после моего ухода появился в составе Олег Аверин — одно из лучших кадровых решений Владимира Мулявина за все годы существования «Песняров».

Похожая ситуация и с местом бас-гитариста тянулась пять лет после ухода Бори Бернштейна. Михаил «Майкл» Кульков буквально год с небольшим у нас проработал — между программами, считай. Что тут добавишь? Коля Неронский запомнился как своеобразный басист, страшно техничный — столько и не надо было «Песнярам». Эдика Тышко мы знали с детства: потрясающий голос, абсолютный слух. При этом всегда было ощущение, что он как замена: и ездил, и выступал, но будто и не работал у нас. Получалось, что мы его приглашали без претензий на будущее: «В Америку поедешь?» — «Поехали!» Наконец появился Алик Катиков — мы с Дайнеко по поручению Мулявина искали бас-гитариста, но приметил и рекомендовал Алика Олег Молчан. Новичок играл, пел нижним голосом (значит, укрепился аккорд), потом выяснилось, что он ещё и прекрасный мелодист. А чего стоит его интерес к белорусской поэзии, к Адаму Мицкевичу, Ларисе Гениуш, Геннадии Буравкину! Это уже вклад в «песняровскую» традицию. Снова

кирпичик капитальный — оказалось, и в настоящее, и в будущее.
И человек прекрасный.

Так кто в ведомости числился?

К удивлению, расставание с Толей Кашепаровым мы восприняли легче, чем многие другие «вылеты». Вроде как фигура узнаваемая, лицо коллектива, но на фоне общей текучки кадров сильным отрицательным эффектом уход узнаваемого певца не стал. Пусть уж простит меня Толя. К тому же в последние годы он по минимуму участвовал в новых вещах. Толя в то время учился в Москве — и в Минске появлялся так редко, что доходило до смешного. Я ему по поручению Мулявина телеграммы отправлял: мол, где ты, Толя? Однажды Володя у меня спросил: «Так он у нас работает или нет?» Я отвечаю: «Ты же ближе к кассе: он у тебя в ведомости значится?»

И везде «Господи помилуй!»

У Мулявина были хорошие отношения с митрополитом Минским и Слуцким Филаретом. И однажды в конце 1980-х владыка предложил Володе: сделай программу на основе церковной музыки. Вова поначалу увлёкся идеей. Ведь к теме религии с точки зрения светского человека «Песняры» когда-то уже обращались, и композиции получились сильнейшие. Та же «Аве Мария» ещё в «Лявонах» звучала, и хор, как нам тогда казалось, был абсолютно стилизован под церковный. Эта вещь и у нас закрывала концерты, и за границей, в тех же Америке или Каннах, шла главным номером. А какая шикарная «Готика святой Анны»! Но теперь-то можно было показать другое видение: с религии сняли запрет, народ резко повернулся к вере. Наверняка Мулявин подумал: кто знает, а вдруг как раз здесь найдётся свежая струя для «Песняров»? Со стороны, возможно, это выглядело странновато: вчера отработали спектакль на стихи Маяковского, а сегодня к церковной музыке подступаемся. Так ведь уж кого-кого, только не Володю упрекать в конъюнктуре. Он постепенно обращался к вере. Конечно, не без влияния жены. Пенкина тогда уже сама всю соблюдала все обряды и остальных членов ансамбля «на путь истинный» наставляла. Приведут нас во время гастролей в церковь или монастырь на экскурсию, и чуть заговорим погромче — она уже тут как тут, сразу цыкает.

Володя с предложением Филарета здорово помучился, ничего не мог придумать. Однажды отправил меня (сложно найти кого-то настолько далёкого от веры) в Минскую епархию за нотами: мол, хочет их изучить, поискать, за что «Песняры» смогут зацепиться. Поручение я выполнил (хотя сильно удивился, когда ноты мне

отдавал сын функционера Белорусского ЦК — в чёрной рясе, с крестом), но и это не помогло. Обычно Мулявин ставил перед фактом: идея сформирована, мелодии набросаны — и начинаем наращивать «мясо». А тут Володя созывает ансамбль не репетировать, а только посоветоваться, чего практически никогда не бывало. Выложил эти ноты и говорит: надо что-то придумать. Не мудрено: в церквях ведь и манера пения специфическая, да и «Господи помилуй!» повторять надо часто — непривычный музыкальный образ... В общем, с нотами и без нот идей у Володи не появилось — слишком уж незнакомая область музыки. Даже плодовитого Игоря Паливоду, который как раз тогда ненадолго вернулся в ансамбль, Мулявин не стал привлекать к процессу. Видимо, Бог не велел нам этим заниматься, не пришло ещё такого «социального заказа». «Сверху».

Мечта исполнилась дважды

Впрочем, к религиозной теме Вова вернулся — сделали ребята к двадцатипятилетию «Песняров» программу «Голос души». И гимну церковному там нашлось место, и «Малітве» за Беларусь. Да и сейчас подобные песни есть: у «Белорусских песняров» — «Храм». Эту прекрасную песню когда-то подарили ансамблю донецкие милиционеры через нашего друга генерала Юрия Кучера.

Подружились мы, когда на плечах у него были скромные капитанские погоны. Юра (а начинал он трудовой путь простым шахтером)

Знаменитые соляные шахты под Донецком. Уникальная шахтная церковь. Экскурсовод — генерал (а тогда ещё полковник) Юрий Кучер (второй слева). Середина 2000-х

очень любил «Песняров», познакомились после одного из концертов и потом год за годом наблюдали, как он рос по милицеейской службе. Я, поскольку большую часть жизни провёл с какими-никакими погонами, всегда симпатизировал нашему товарищу. Даже майор мне казался ого-го какой величиной. При том что издавна у меня была мечта иметь друга-генерала. Один уже был — мой друг ещё со времён воспитонства Ваня Бешенцев, тоже служивший на Донетчине. И вот однажды, когда «Белорусские песняры» находились в Донецке, прибывает к нам на железнодорожный вокзал Юра. С бутылкой и при новеньких погонах полковника. Тогда я подумал, что мечта моя может исполниться дважды. И правда, через несколько лет службы в Министерстве внутренних дел Юра получил генерала и стал высоким чином в МВД. Так что считаю себя причастным к его карьере в какой-то степени. Да и просто-напросто горжусь таким другом. Как и всеми его друзьями-милиционерами, с которыми Юрка свёл «Белорусских песняров»!

«Библиотека» пишется маленькими, а «ООН» — большими

«Вянок», первая программа «Песняров» в независимой стране, получился разовым проектом под конкретное мероприятие в Нью-Йорке — выступление в библиотеке Организации Объединённых Наций. Правда, его могло и не случиться. За деньгами на выезд в Штаты Мулявин поначалу обращался к Станиславу Шушкевичу, тогда председателю Верховного Совета и руководителю Беларуси. Шушкевич нам категорически отказал с той позиции, что «Песняры» могут и за свои съездить. (Нашёл рублёвых миллионеров!) Хотя собирались мы не на кассовые концерты, а представлять страну, её литературу и музыку в Организации Объединённых Наций. К счастью, оперативно изыскать для нас деньги взялся министр иностранных дел Пётр Кравченко — пробивной, как танк, мужик. Он обратился в банк и каким-то образом получил сумму, в масштабе госбюджета, конечно, копеечную. Помог его авторитет министра и, наверное, статус события: Беларусь только-только получила независимость, и через культуру страну представляли дипломатам. Ну а мы заранее знали, что публика будет подготовленная, заинтересованная, что «Песнярам» концерт предстоит вести по-белорусски (я тогда накрепко заучил несколько фраз!).

С тех пор слово «ООН» золотом вписано в биографию «Песняров». Даже если событие касалось всего лишь библиотеки Организации. Но «библиотека» пишется маленькими буквами, а «ООН» — большими. Да и мы тогда просто наизнанку вывернулись: получился

самый лучший концерт «Вянка». Причём поехали в США, считай, толком не обкатав материал на родном зрителе. Зато когда вернулись, восторженные заокеанской реакцией (клёвые же песни получились!), остро прояснилось: на родине ни программа, ни ансамбль никому особо и не нужны. Потому-то нью-йоркского вдохновения на концерт с «Вянком» в минской филармонии уже не хватило, даже при наличии хороших вещей. Как-то вяло мы выступили, как теперь вспоминается. А уж после обнаружили, что публике не до музыки и стихов. Тут уж что Богданович, что Купала, что Бёрнс — всё едино. Ситуация пошла по сценарию цикла «Во весь голос»: несвоевременно, не для 1991 года. Пожалуй, в то время иначе и не могло получиться. Так что, выходит, Шушкевич был в чём-то прав?

«А кто это — Богданович?..»

Главное достижение программы «Вянок» — открытие поэзии Богдановича. В Беларуси каждый слышал прекрасный романс «Зорка Венера», и «Песняры» долго исполняли блестящую «Вєраніку» Игоря Лученка. Так что Мулявин, не забыв эти вещи, вывел на большую эстраду незнакомого Богдановича. Причём выбирал поэтический материал из того, что долгое время было под запретом. (Вот где плюс новых времён: ну кто бы рискнул ещё десять лет назад вытащить на сцену «Краю мой родны, як выкляты Богам...» в духе злосчастной коды из «Песні пра Долю»?) Да и просветительская функция налицо: знали о поэте маловато — сказывалась тень гигантов Купалы и Коласа. Помню, как в минском Троицком предместье (которое как раз реставрировали) после первомайской демонстрации 1986 года фотограф агентства печати «Новости» Юрий Иванов снимал ансамбль на фоне знаменитых домиков. Съёмка окончилась, все расслабились, и тут к нам подбежала сотрудница из только-только созданного музея Богдановича — за автографами. Распрощались с ней, и Володя Мулявин, шутя — надо знать его специфический юмор — у нас спрашивает: «А кто это — Богданович?..» Мы на него зацыкали, но было поздно: девушка-музейщица, которая недалёко успела уйти на своих шпильках, споткнулась на горочке и чуть в Свислочь не рухнула от шока, такое услышав. Стыдно было посмотреть в её сторону!.. «Песняры» называется...

Ну а к столетию со дня рождения поэта «Песняры» ответили на этот, конечно, игривый для Мулявина (постоянно копающегося в сборниках поэзии), но серьёзный для Беларуси в целом вопрос — как гвоздём забили.

ЗНАЧИТ, ПЕСНИ?

О «Вянку» так и хочется сказать: «Ну, это послабее...» — или: «Потоптались на месте...» Нет здесь изысков аранжировки в духе Паливоды, Ткаченко, Бернштейна. Зато появился Олег Молчан, быстро уловивший стиль Мулявина и «Песняров» в аранжировках. И вот — «родной» звук «Песняров», только посовременнее, с заявкой на ближайшие десять лет. Да и сам Мулявин не переставал быть блестящим мелодистом даже в самых спорных своих программах. Сколько прекрасных вещей на десятилетия вперёд родилось чуть ли не для одного показа!.. Скажем, как поёт Валера Дайнеко в «А ў Максіма на кашульцы!» Или великолепные, выдающиеся, даже гениальные «Слуцкія ткачыхі» — десяток таких песен стоят миллиона хороших! Уверен, обратись Мулявин к стихам Богдановича лет двадцать назад — «Ткачыхі» были бы вещью наравне с «Александрынай». А тут спад интереса к нам, спад внимания к красивым песням...

В этой же программе и моя любимая «Лявоніха» с «разгоном» — по-другому её даже не представляю! «Вераніку» Игоря Лученка снова подняли, а «Пагоня» чуть гимном Беларуси не стала. Ну, и о балладе «Максім і Магдалена», которая как будто утонула в этой неровной программе, надеюсь, ещё вспомнят... Этот результат — удача или закономерность? Ведь от гениального военного цикла — ни одного шлягера, хотя каждый номер создан по тем же законам, что и «Вянок», по законам песни. Можно сто раз восхищаться, как я, «Песней о пехоте» или «Последними залпами», но это в лучшем случае известные вещи. И хорошо, если вспомнят «Возвращение». Отголосок программы «Я нясу вам дар» — это когда Игорю Пене кричат из зала: «“Марысю” давай!» (не «Вологду» и не «Белоруссию!»). Из календарно-обрядового цикла только «Каляду» знают... И сразу вопрос: может, раз всё настолько непредсказуемо, не стоило и мозг выкручивать, строить концепции? Запомнят-то отдельные удачные песни, а уже одну можно мусолить вечно.

ПРИПЕВ НА РОВНОМ МЕСТЕ

Мулявин в сложных программах ещё и самокопанием занимался. Есть у него прекрасная мелодия в «Па-над белым пухам вішняў», а он в каком-то интервью отдаёт первенство песне Игоря Паливоды на эти же стихи Богдановича. Помню, как о своей «Зорцы Венеры» он всё твердил: «Тут не хватает припева! Нужен припев!» Но в стихотворении Богдановича и намёка на него нет. Тогда отдельные строки ушли под мелодический ход, который отчасти решил вопрос. Пусть это не абсолютно органично, как, скажем, в песне «Полюшко-поле», но музыкально — достойный выход.

Кстати, может, из-за того, что не всегда находились у него яркие мелодические решения, Мулявин и не спешил забрасывать коллектив своими песнями. Понимал, что музыкальные идеи, как и любой источник, в том числе творческий, имеют свойство иссякать, — здоровый подход умнейшего человека! (Хотя сколь бы скептически я ни переслушивал Володины авторские песни тех смутных лет, убеждаюсь: Мулявин даже тогда писал офигенные песни!) Правда, благодаря своему уникальному чутью и умению включать в работу других участников ансамбля (не в ущерб собственному статусу лидера и автора) Володя ещё несколько лет вёл коллектив по выбранной дороге без сбоев. Разве что с некоторыми корректировками на время и модные веяния. При этом не секрет, что Мулявин не просчитывал реакцию публики, не знал законов её восприятия, но ведь как точно угадывал, чего хочет народ. Творческая интуиция, развитая до уровня фантастики!

Почему я не уходил из «Песняров»

Так случилось, что из первого состава «Песняров», кроме Владимира Мулявина, я задержался в ансамбле дольше всех — на четверть века. Правда, после концерта в 1990-м, когда Валера Дайнеко и Игорь Пеня получали звание заслуженного артиста БССР, а я очередную грамоту, народный поэт Беларуси Рыгор Бородулин со своим отменным юмором сказал мне: «Слушай, ты уже стоишь тут лет семьдесят, не меньше, и, сколько я помню, всё ходишь за какими-то бумажками. А где настоящая награда?» И остро, и тактично подметил — главное, в точку! Это я к тому, что причины долголетия человека в каком-то коллективе в двух словах не растолкуешь. Но прежде всего — надо хотеть, иметь огромное желание независимо от сиюминутной ситуации вариться в этом процессе, даже когда проще взять и разбежаться! И я хотел — хотел до неприличия. Не меньше, чем сам Мулявин, за которым стоял ресурс его колоссального таланта. Наверное, из-за такого же «хотения» бросались с нормального заработка в ресторане в мясорубку концертного ансамбля, даже переламывали себя Алик Катиков, Олег Аверин. Ради чего? Чтобы реализоваться, так мне кажется.

Но если бы я по какой-то причине задумался об уходе, то ушёл бы сразу. Вот только зачем уходить, если мне происходившее с «Песнярами», пусть уже без ажиотажного интереса к ансамблю со стороны публики, нравилось? (Особенно пока Володя Мулявин серьёзно вёл дело, с видением будущего, с порывами творческой неудовлетворённости.) Конечно, чтобы так долго оставаться нужным при моих достаточно скромных музыкальных способностях, приходилось постоянно крутиться, искать себе применение. Пришёл я как

Полвека на сцене с флейтой! Никогда в это не поверил бы. Но так было. Фото: личный архив Марины Мулявиной; Казимир Мисевич

саксофонист, потом учился петь, затем освоил флейту, понемногу ещё некоторые духовые, но вскоре почувствовал: могу быть полезнее в другом (по музыке многое можно было сделать лучше, отдавай я ей больше сил и времени).

И если на сцене проявлял себя не в полной мере, то без тени сомнения нажимал на организационные моменты. Я уже говорил, что роль эта была необходима, но никто примерить её на себя не стремился. Наоборот, все как-то больше создавали для неё поводы. А я чувствовал, что могу разобраться с проблемами аккуратно, но уверенно. Собственно, у нас с Володиёй долгие годы альянс успешно строился именно на таком разделении задач. Благо проблемы оказались вечными, а нужда в Змее — постоянной.

А ЕЩЁ — ВЕЗУНЧИК

Вообще, в моём долголетии в ансамбле (как и во многом по жизни) огромную роль сыграл случай. Я уверен, к нему надо быть готовым, искать его, мечтать о нём, стремиться делать максимум, чтобы не упустить своё везение. Причём в нашей профессии случай — большое дело. Ты куда-то не поехал, твоё участие не согласовали — и жизнь повернулась иначе. Скажем, на каннском MIDEM нас ждали ещё в 1975-м, но почему-то не получился выезд. И кто знает, сложились бы тогда, годом ранее, наши американские гастроли? Да и в принципе замаячили бы они без Каннского фестиваля? Теперь часто думаю: а где я оказался бы сегодня, не решишь мы на резкие перемены, не поверь в свою удачу тогда, когда «Песнярам» от роду были считанные недели, месяцы? Вряд ли история того ансамбля затянулась бы надолго.

Или что-то отменилось, кто-то заболел — и вот благодаря освободившимся строчкам в расписании «Мелодии» у «Песняров»

появился двойной концертный альбом, единственное записанное живое выступление ансамбля. Да, зал «Россия» ещё та подлянка в плане звука, да, мы не были настроены на запись, да, технически получилось слабовато (и на сведение не позвали, где можно было что-то исправить), но, видимо, на Мулявина так нажали, что он махнул рукой — мол, делайте, что хотите. С другой стороны, на этом двойнике есть «Зачарованная», немного календарно-обрядовых песен, вещи на стихи Купалы. И не сложись такого удобного случая — эти фрагменты не были бы изданы.

Ну а ко мне лично, к счастью, судьба поворачивалась чаще лицом (хотя и отворачивалась не раз). Само моё знакомство с Мулявиным, то, как благодаря ему я вписался в тему белорусской музыки, — случайность. Но счастливая. Так что попроси меня кто-то коротко охарактеризовать артиста по фамилии Мисевич, который работал прежде в «Песнях», а теперь играет в «Белорусских песнях», я бы сказал так: Змей (надеюсь, всё-таки мудрый), а ещё — везунчик.

Вошёл в новизну

Возвращаясь к теме о том, что я «слишком» задержался в «Песнях», добавлю: творческие изменения в ансамбле, новое в музыке благодаря приходу новых же людей меня не ломало. Ну а репетиции программ, процесс вхождения в новизну — это и вовсе захватывающе. К тому же получаешь такую необходимую передышку после монотонных месяцев работы с одним и тем же материалом и одновременно творческую встряску. Как рукой снимает всю усталость от гастролей, уходят конфликты и напряжение, вызванные постоянным кругом одних тех же лиц и песен! Но такое бывало лишь раз в полтора-два года: мы приезжали в Минск, накидывали план и сами кайфовали от новой музыки. Не выгнать с репетиционной точки! Хотя ещё вчера на гастролях и с репетиции, и с концерта всех сдувало по гостиничным углам, словно по гудку на заводе. Но когда доходило до зрителя, то аудитория подготовленная, а значит, узкая, хорошо принимала материал, а обычная публика... Тут уж будь наши программы хоть дважды выдающимися, но после концертов в крупных городах (такие перечесть — и пальцев двух рук будет много) показывать их целиком не рискнёшь. Что это значит? Проходил месяц-другой — и снова «Вологда» с «Пущей», острые музыкальные ощущения шли на спад, все впрягались в рутину. Даже на телевидении и радио от нас ждали нового, но обязательно подчёркивали: и несколько номеров того, что все знают. (И это, кстати, ответ на вопрос из дня сегодняшнего: «А почему «Песняры» записывали на ТВ одни и те же песни?»)

Получается, чтобы ощущать себя музыкантами, требовались эксперименты, а чтобы остаться популярными — проверенные шлягеры. Пропасть между интересами — непреодолимая, когда наши «ударные» вещи настолько довлели, что сама попытка показать свежак теряла всякий смысл. Уже не срабатывал прежний баланс взаимной интеллигентности по обеим сторонам от сцены, когда публика покупала билет на то, что ей нравится, но в первом отделении была вынуждена следовать за ансамблем. Так и встал большой вопрос: куда вести ансамбль с уклоном в фольклор, когда на дворе почти рыночная экономика и никому нет дела до прежних заслуг?

«ЗАВЯЖИ» — И СТАНУ ДИРЕКТОРОМ

Когда-то на излёте моей работы в «Песнях» позвонила мне сначала Светлана Пенкина, а потом и Володя. На полном серьёзе предложили... стать директором ансамбля. Должность эту готовился покинуть (не без участия той же Пенкиной) Толя Щёлоков: он уже чувял неладное в коллективе, в самом Мулявине. Так вот, на предложение Вовы я поставил условие: реши свои проблемы с алкоголем — соглашусь. То есть фактически отказался. У меня на носу пенсия духовика — досидеть бы. Да и предложение своё, как мне думается, Володя делал не столько серьёзно, сколько для проверки «на слабо». Тем более в весёлом настроении звонил. Так что я даже послал его по-дружески, мол, prospись хорошенько. С другой стороны, если Мулявин всё-таки говорил без шуток... Смог бы я что-то изменить в тот момент? Задействовать какие-то рычаги, свернуть ансамбль с кризисного пути? Разве я заставил бы Володю «завязать»? Точно не отвечу даже самому себе. Но то, что уже через неделю мы с ним разругались бы, — факт. Правда, ощутимое охлаждение в отношениях между нами наметилось на следующий же день после озвученного предложения...

МУЛЯВИН НЕ ВЕРИЛ В «ЭФФЕКТ МУЛЯВИНА»

Группу долго спасал «эффект Мулявина». Но сам Володя, мне кажется, не мог смириться с одиночеством на сцене. Да и никогда он не отделял себя от коллектива по большому счёту (разве что в последние годы, когда сказать «мы» в ансамбле ему было не о ком). Отлично помню, как я «принимал» вместе с ним парад в той калининградской части, где раньше, видимо, располагался ансамбль песни и пляски Балтийского флота. Как меня угораздило? Мулявина попросили выйти на трибуну как почётного гостя, а он сразу же меня за собой потащил — мол, от имени «Песняров» выйдешь.

В депрессивную перестроечную пору, когда ансамбль трясло от текучки кадров, он как-то в гримёрке долго-долго смотрел на нас

исподлобья и вдруг сказал: «Как же вы меня задолбали!.. Я могу и один выступить, но так привык, что сзади — “Песняры”». Вспоминаю об этом, когда встречается в интернете запись со «Славянского базара в Витебске» 1998 года, где ансамбль выступал без Мулявина, а он вышел потом с пианистом и гитаристом. И вот в конце своего номера делает Володя привычный жест в сторону коллектива — которого нет. Выходит, и правда не мог без надёжного тыла.

А Олег Аверин рассказывал, как ещё до расхождения Вова попросил сбросить на диск минусовки с его репертуаром: набралось больше часа. Но он их так и не использовал никогда для сольной работы. Я, кстати, долго не мог понять почему. Ведь Мулявин — это имя, на него купят билеты: лучший певец, композитор в «Песнях», с которым за честь пошёл бы выступить любой профессионал, а уж молодые в качестве сессионных музыкантов и подавно (по большому счёту так и было: с последним Володиным составом только его присутствие убеждало, что на сцену вышли «Песняры»). И голос у него сохранился в отличной форме до последних дней! А хочешь — так сочиняй, руководи, направляй, даже не выезжая из Минска: тебе поверят — ты Мулявин. Только со временем, как мне кажется, я разобрался: порой коллектив настолько становится частью жизни, что только в нём существуешь полноценно. Со мной ведь дважды такое случилось: сначала в «Песнях», потом — в «Белорусских песнях».

ПЕРВЫЙ ПОЛУПУСТОЙ ЗАЛ

Народный артист СССР Махмуд Эсамбаев как-то сказал: если публика не пойдёт на твой концерт, её уже никак не остановишь. Может, сам себя и ощущаешь на пике творческой формы, но время твоё на сцене, выходит, прошло. Так получилось и у «Песняров». Пусть и не по три концерта в день, а всё-таки работали во Дворцах спорта, понимали, что это непростой и не самый востребованный материал, но прокатывали (в основном кусками) программу по Маяковскому. И вдруг облом — полупустой зал впервые за историю ансамбля. Случилось это ЧП в саратовском Дворце спорта. (Шурик Демешко часто отшучивался потом, что после этого случая решил уйти из «Песняров», ну и вопль «“Вологду” давай!», мол, подкосил его творческие амбиции.) А дальше вообще как отрезало: интерес к «Песням» падал на глазах, концерты пошли куда реже и на сценах поскромнее. В Кисловодске, к примеру, нам снова предложили в цирке поработать. Правда, на этот раз (впервые) не на их площадке, а паритетно: «Песняры» во втором отделении, а в первом — гвоздь — медведи. Ну, почему бы и нет, подумали мы: денег заработать хотелось. А про мишек нам потом рассказывали, что

они погибли в аварии, когда цирк переезжал. Ещё одна дурная примета помимо цирка как такового, что, безусловно, в конце 1980-х всё-таки угнетало...

С одной стороны, в таких вещах ничего удивительного — наоборот, всё закономерно после двадцати лет творческой и концертной активности (при том, что и десятку не всякий хороший артист вытягивает: или сходит на нет, или делает перерыв, а потом, если повезёт, — перезагрузку). К тому же страна менялась: эпоха закончилась, мы, как её представители, оказались не нужны (тем более с Маяковским). Да и звучали «звоночки» из среды зарождавшегося шоу-бизнеса: «Что-то эти ребята долго задержались, пора им на покой». Но с другой стороны, кризис не возникает одновременно. Жизнь ставила всё новые вопросы чуть ли не каждый день, а «Песняры» не могли и на малую часть из них ответить. В том числе на главный: как ансамблю жить дальше?

Нужны песни, а у нас — ничего!

Мулявин не мог позволить себе, скажем, на островах в океане излечиться от накопившейся усталости. Темпы работы у него были сумасшедшие как у исполнителя, композитора, аранжировщика, лидера «Песняров», наконец, — то есть и тактика, и стратегия в одном флаконе. «За кадром» оставались его проблемы со здоровьем, семейные неурядицы с Пенкиной, и на этом фоне он стал опрокидывать лишнее всё чаще, пропускать концерты. Почему ансамбль до сих пор чувствовал себя за Володи́ей как за каменной стеной? Потому что долгие годы шёл бесконечный, казалось, вал материала, причём Мулявин на раз-два прощался с вещами, которые не принимал зритель. Но на изломе, в конце 1980-х, требовалось выжать из себя максимум новых песен, а у Володи ещё со времён «Песні пра Долю» и «Гуслияра» пропала прежняя страсть к этому жанру — не лежала душа, и всё тут! Конечно, Мулявина можно понять: он прошёл творческую эволюцию (или даже революцию), провёл за собой коллектив и уже не мог отступать, но в результате «Песняры» свернули на новую дорогу и магистраль даже боковым зрением не видели. И невнимание к песенному жанру в последние лет десять — двенадцать предсказуемо вышло боком: «Зачарованая», «Каляда», «Возвращение», «Слуцкія ткачыхі» — вот и все более или менее популярные песни за это время. Причём скорее менее, чем более. Отрывки из программ? Это хорошо, но реакция не заставила себя ждать: ребята, а песни-то новые где, кроме как «про Долю»? Помню, то на «Песню года», то на радио просили свежего материала, а ничего интересного нет, только старое... И потому ничуть не удивляюсь, что время уплотнило

представление об ансамбле в массовом сознании до стереотипных «Касіў Ясь канюшыну» и «Вологды», нравится это нам или нет. В конце концов, не мы первые попали в подобную ситуацию. Всякий, кто учился в музыкальной школе, а тем более в училище, знает: Моцарт — это сороковая симфония, а в операх корифеев жанра аплодисментами, как правило, принимают одну-две известные арии. Но именно из-за этих, избитых для исполнителя вещей билеты на него и продаются. И бороться с этим непреложным фактом — всё равно что идти против ветряных мельниц. Единственное для справедливости замечу: всё, что у «Песняров», а теперь и у «Белорусских песняров» звучит между этими заветными «ариями», никогда не проходило на нуле, без своей порции аплодисментов, пусть и поскромнее.

«Нясу, нясу, тваю маць!..»

А вообще, на тему заезженных вещей остаётся разве что пошутить и вволю посмеяться над самими собой. Потому-то для минимального разнообразия в той же «Вологде» то нарочитое произношение «о» появлялось, то Кашепаров вместо «Вологда-гда-гда» смеху ради пел «Москва-ква-ква-ква», а Игорь Пеня теперь периодически со сцены выдаёт: «В доме, где судья меня ждёт». Опасно шутит Игорёк!

Ещё помню момент, когда песня Эдуарда Ханка «Конь незацугляны» всем в ансамбле стала поперёк горла. Хотя это одна из немногих вещей того периода, которую получилось более-менее раскрутить — думаю, фамилия автора слов Геннадия Буравкина, который руководил тогда Гостелерадио БССР, в этом процессе тоже свою роль сыграла. Но Володя Мулявин был искренне рад: у него появилась ударная сольная вещь, свежачок, гитара «джигает» в проигрыше... Но остальных «Конь» замучил быстро — ни одного концерта без топота копыт. Так вот, на слова бравого всадника Володи: «Ты нясі мяне, нясі, конь незацугляны...» — наш отвязный гитарист Саша Растопчин, чуть отойдя от авансцены, регулярно отвечал дрожащим голосом измотанного коня: «Нясу, нясу, тваю маць!..» Пусть музыкальный анализ не мой конёк, но факт острой критики репертуарных шатаний «Песняров», по-моему, весомый.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОТИВ ИЗНОСА ШЛЯГЕРОВ

И всё-таки если смотреть изнутри и заинтересованно: когда в двадцатилетнем возрасте с творческим коллективом ничего не происходит в прославившем его жанре — пиши пропало. Правда, у «Песняров» всегда хватало экспериментов: баллады, оперы, «Весёлые нищие», «Во весь голос», молодёжная студия... И Мулявин тем охот-

нее заплывал (с осторожностью) в нехарактерные крайности, чем очевиднее был износ главных шлягеров (как на стыке 1980–90-х). Так что когда пришёл Олег Молчан с готовой авторской программой на стихи Александра Легчилова «Слова Скарыны, або Ave Sole!» к пятисотлетию славянского первопечатника Франциска Скорины, никто не удивился: снова экспериментируем. Показали программу только на концертах к двадцатилетию «Песняров» в Минске и в Москве, но, думаю, многим кроме меня этот материал показался интересным. В первую очередь, чувствовался новый музыкальный язык в аранжировках (болезненная на то время тема для ансамбля). Другое дело, что эта современность «Песнярам» не всегда была к лицу... Но в период безрыбья мы себя как раз отступлениями и поддерживали. Сам факт нового материала для нас был очередным глотком свежего воздуха. Вроде бы есть повод для оптимизма, есть от чего оттолкнуться, но эксперимент не решил основной проблемы — отсутствия новых песен (хотя «Астры шчасця» и «Маргарыта» из этого цикла — блестящие вещи, которые Валера Дайнеко и сегодня поёт соло).

Сразу же возникает вопрос: а к чему были все усилия, коли главной цели не добились? Если смотреть сегодняшними глазами и глобально, то, выходит, даже в кризисное время Мулявин, рискуя с разношёрстными программами, осознанно или нет закладывал капитальные опоры на будущее. Благодаря им, повторюсь, он смог уйти с гордо поднятой головой, оставив эту возможность всем нам, кто шёл и идёт по его стопам, чтобы никому не страдать с «Молодым агрономом». Конечно, сегодня не только «Белорусские песняры», пытаюсь ощущать себя серьёзным коллективом и держаться в форме, напоминают о себе большими концертами, а не программами. Но был ведь уже в новом веке, после смерти Володи, очередной виток интереса к крупным вещам «Песняров» (и подспудно ко всем, кто имел к ним отношение), причём для многих этот материал оказался скорее не воспоминанием, а открытием заново. «Белорусские песняры» откликнулись на подобный вызов, восстановив несколько вещей из блестящей «Через всю войну». И себе и всем доказали, что можно возродить буквально всё лучшее, созданное в прошлые годы. Был бы интерес, как говорится... Да и сегодня в Беларуси всё ещё пытаются мыслить на эстраде (я не о попсе) программно — циклами песен, мюзиклами, рок-операми: событий мало, но, с другой стороны, и процесс не останавливается. Ну а тогда, с Володей, ценой нашего вклада в эксперименты была возможность элементарно оставаться музыкантами: славы нам хватало, денег поменьше, но достаточно, зато никто не мог нас упрекнуть, что мы делали что-то спустя рукава. Были более или менее

удачные проекты, разной продолжительности и содержательности, но шёл поиск.

Почему я ушёл из «Песняров»

В конце 1980-х наступил период, когда по большому счёту для меня ансамбль перестал быть способом жизни. Перипетии в стране и в коллективе только обострили давно назревавшее, в чём боялся признаться даже сам себе: пора уходить. К тому же я реально ощутил, насколько устал физически: пошли неврозы, бессонница. Не устраивали ни моральный климат, неустанно создаваемый помощником руководителя — его же супругой, ни уже обозначившиеся проблемы Володи с выпивкой. Конкретные цели развития ансамбля просто не ставились, а для привычного существования не хватало концертной работы. Не удивительно, кстати: со времени последних приметных успехов прошло немало лет, и одной инерции прошлых заслуг для организации выступлений стало мало — она уже не спасала, как было после военной программы. Соответственно, напрягало и снижение доходов в кошельке (пусть даже при моей тогда уже холостяцкой жизни особых запросов я не выдумывал, а на выпить-закусить всегда хватало).

Правда, между тем, как я осознал желание покинуть ансамбль, и моментом фактического ухода прошло года два-три, которые достигал до пенсии духовика (тогда и для эстрадников её ввели за двадцать пять лет стажа, хотя и ненадолго, но я успел — и вышло у меня около восьмидесяти долларов, которые за пару лет успешно обесценились до шестидесяти). Веду к тому, что времени хорошенько подумать хватало, а пенсия... Просто поставил себе черту. И мысли мои крутились вокруг того, как бы не сорваться и дотерпеть под девизом «скорей бы пенсия!» до осени 1992-го. (Причём ответственность за дисциплину оставалась за мной до последнего, и пьяных на сцену по-прежнему нельзя было пускать, хотя бороться с этим становилось всё сложнее.) Значит, всё-таки понимал: лучше тут не станет, не случится так, что я уйду, а «Песняры» будут кайфовать. Видимо, примерно так же думали Дайнеко, Растопчин, Беляев, написавшие заявления об увольнении. Правда, Игорь Пеня, Олег Молчан и Алик Катиков нашли причины другого характера и остались. А вскоре, всё в то же непростое время, к ним присоединился огромный талант — Олег Аверин. Затем пришли хорошие музыканты с отличной школой: барабанщик (много где поигравший) Володя Марусич и гитарист Виктор Молчанов.

А как не упомянуть замечательного звукорежиссёра Александра Попроцкого! Ведь он был тем незримым участником коллектива, который держал уровень звучания «Песняров» на качественной вы-

соте. И это здорово: своей работой с Мулявиным в этот тяжелейший период распутия ребята по мере сил вытягивали патовую ситуацию, не давали обесценить имя «Песняров». При том что тогда и внешние факторы «нажимали», и внутренние «дожимали» ансамбль. Но, несмотря на туманные перспективы, была у этих пацанов, во всяком случае у костяка, с кем теперь имею честь работать, мотивация, талант, здоровье для такого решения.

Мулявин уволил за минуту

После железнодорожной «кругосветки» в Казахстан на хлебе и воде и моего отказа занять место директора, пока Володя не завяжет, я с Мулявиным почти не общался. Не о чем, да и разделение пошло в коллективе нездоровое на две палаты — «верхнюю», где варились все финансы по бухгалтерии и в обход неё, организация концертов, планы, и «нижнюю» (музыканты, техслужба). Вот уж точно: настоящая госконтора, настоящий государственный ансамбль. К тому же ещё во времена «Вянка» проскочила не раз и не два реклама в духе: Мулявин (большими буквами) и «Песняры» (поскромнее), — а не «Песняры» и их руководитель народный-всенародный Мулявин, но всё-таки шрифтом помельче (как обычно). В общем, одно за другое, а звоночки — так себе. Тем не менее предстоял важный для меня разговор об уходе. Да, было и без слов понятно, но это же Володя, думал я, мы с ним, несмотря ни на что, четверть века не чужие друг другу люди. Помню, как в голове я прокручивал этот момент целыми днями. Не скрою, надеялся на какое-то понимание, может, даже на поиск выхода. Вова же знал, что я уйду в никуда: другой профессии не обучен, семьи, считай, нет. Квартиру при разводе оставил первой жене, рассчитывал, что по примеру других в ансамбле скоро получу новую. Но жизнь в стране поменялась так круто, что ничего мне уже не светило, кроме общаги на Волгоградской и недостроенной дачи.

Могло ли измениться что-то в моём решении, если бы мы с Вовой поговорили по душам? А вполне! Но все мои сомнения разрешились в минуту. Когда я пришёл к Володе в кабинет, из тысячи вариантов развития беседы он сразу выбрал такой: «Уходишь? Ну да, ну да, у тебя же пенсия». Короче, смысл такой: пиши заявление и проваливай. Вот это и называется почувствовать себя старым ненужным псом, которого вышвырнули за дверь пинком под зад. Правда, можно сказать и так: наши желания совпали. Тогда без обид: что хотел, то и получил, а вишенку на торт никто не обещал при этом. Правда, я её сам себе организовал: послал помощника художественного руководителя на три буквы. «Вот и точку поставил!» — подумал я тогда.

Мой последний концерт с Володей

Хотя — не совсем. Уже пару недель я не работал в штате, когда «Песнярам» кровь из носу понадобилось выступить на каком-то серьёзном стадионном концерте в Могилёве. Людей в ансамбле — раз, два и обчёлся, вот и позвонил по просьбе Мулявина Валера Дайнеко: приезжай, подсоби — Володя просит. Почему тот сам не набрал мой номер? О причинах, как говорится, всё сказано. Да и не его это забота — есть заместители, администраторы. Но коль просит Мулявин, я ещё раз сел с ансамблем в гастрольный автобус. После же концерта «Песняры» — в гостиницу ночевать, а у меня — билет на рейсовый автобус до Минска. Никакой торжественности момента, никаких сантиментов: руки пожали и разошлись. И, кстати, больше с Володей на одну сцену я уже не выходил, хотя, казалось, судьба к этому вела меня следующие пять лет.✽